

В.К. Загвоздкин

О книге А. Кураева "Сатанизм для интеллигенции"

Книга Андрея Кураева, посвященная анализу различных модных сейчас религиозных или псевдорелигиозных течений с православной точки зрения, не может не быть актуальной как раз в наше время. У многих людей возникает желание понять, что же стоит за столь широким распространением различного рода оккультных течений и их популярностью.

К числу таких течений принадлежит и творение Елены Рерих, называемое "Агни Йогой", или "Живой этикой". Хотя содержание книги выходит далеко за рамки анализа и оценки "Агни Йоги", но именно Рерихи вынесены в название книги. В их учении, а также в учении основательницы Теософского общества Е.П. Блаватской автор видит как бы квинтэссенцию, главную суть всего того, что он называет словом "оккультизм". Оккультизм - это "природный враг христианства" (т. 1, с. 3). Философия живой этики - "бесчеловечна" (т. 1, с. 7), она предлагает яд в красивой упаковке "призывов к миру и терпимости, яд, способный отравить человеческую душу". Эти антихристианские примеси не нечто периферийное в системе "теософии" в целом, но выражение ее сущностного ядра. Напротив все те места, которые у вышеназванных авторов звучат по-христиански, -призывы к терпимости и проч. - суть сознательные приемы для привлечения ничего не подозревающей публики и не отражают подлинной сущности этих учений. "Обсуждать надо фундаментальные интуиции, лежащие в основе теософии и в основе христианства. Эти исходные предпосылки весьма различны..." (т. 1, с. 8) А. Кураев не ограничивается, однако, "Живой этикой" "...Языческие религии до Христа - это частичный свет, в котором уловим отблеск Логоса. После того как Слово само пришло к людям - язычество стало уже беспримесным мраком" (т. 1, с. 9).

Отсюда видно, что "беспримесным мраком", в сущности, для Кураева является любая нехристианская религия. Это исходная позиция автора и положена в основу всего сочинения. Она отражает и характер книги в целом. Эта книга по замыслу, стилю, содержанию, тону изложения ~ ведение войны с "темными силами". Автор четко различает силы Света и Тьмы. На стороне света выступает православное христианство, на стороне тьмы - оккультизм, теософия, язычество и пантеизм. Автор, естественно, выступает на стороне Света. Все изложение строится таким образом, что перед читателем внутренне как бы должен возникнуть вопрос: с кем ты? С Богом или Дьяволом? Всем характером изложения читатель как бы принуждается сделать этот выбор между этими двумя непримиримыми сторонами. Книга может вызвать либо энтузиазм, либо такое же определенное неприятие, резкое ее отторжение. Выработать к изложенному нормальное, взвешенное, объективное - в смысле своей собственной субъективной позиции - отношение крайне трудно.

Все изложение книги имеет некую общую сигнатуру. Автор берет какое-либо утверждение Е. Рерих, Е. Блаватской или кого-нибудь из их последователей и затем опровергает их, показывая, как это утверждение, во-первых, не соответствует

действительности, а во-вторых, есть не что иное, как уже упомянутая выше "упаковка", более того, подлог или же сознательная ложь, долженствующая не раскрыть, но скрыть истинную -антихристианскую - суть теософии.

В первой главе А. Кураев подвергает резкой критике тезис последователей Е. Рерих, что Агни Йога является не религией, но философией. Автор на различных примерах пытается доказать, что Живая этика - суть религия. Это учение по своему происхождению проистекает от "высших сил", а общение с высшими силами - черта религиозного, но никак не научного, восприятия мира. Учения Е. Рерих возникли из непосредственного духообщения, что автор иллюстрирует многочисленными цитатами. Затем А. Кураев, приведя примеры из практик различных мировых религий, пишет, что церковь никогда не одобряла экстатических состояний сознания, говорит о разнице между оккультной экстатикой и истинным богообщением. Невольно возникает вопрос: разве буддийская медитация, голоса, которые слышит Е. Рерих, "магические процедуры" в индуистских храмах, и рекомендуемая в Агни Йоге процедура изготовления "терафимов" - это явления одного порядка? С определенной точки зрения можно ведь и обряды православия описать как магические.

Главное доказательство того, что Живая этика есть религия, А. Кураев видит в описываемой Е. Рерих магической процедуре изготовления "терафимов". Читатель вправе спросить о том понятии религии, которого придерживается автор книги. Ведь не назовешь же религией действия экстрасенса по зарядке предметов психической энергией или попытки лечить по фотографии? На мой взгляд, магическая процедура изготовления "терафимов", о которой говорит А. Кураев, неравнозначна с теми религиозными обрядами, которые приняты в индуизме. То, что делает индуизм религией - это не магический ритуал, но вся система ценностей в целом, в котором ритуал является лишь органической частью. Система же Агни Йоги, по свидетельству самого А. Кураева, является материализмом. Поэтому попытка представить Агни Йогу в качестве религии, на основе изготовления "терафимов", мне не кажется убедительной. Дальнейшим аргументом в пользу того, что Агни Йога - религия, является, согласно А. Кураеву, наличие в ней "Иерархии". "Существует лишь одна Иерархия света, эта Иерархия и есть Транс-Гималайская Иерархия" (т. 1, с. 44). Данное выражение Е. Рерих А. Кураев понимает как доказательство наличия в Агни Йоге структуры -иерархии, хотя речь здесь, очевидно, идет о совершенно других вещах, чем церковная иерархия.

Проблема, которая возникает здесь, очень серьезна. Автор стремится доказать, что Живая этика - это религия, вовсе не для того, чтобы установить истину, но чтобы прибегнуть к административно-государственным методам воздействия. Являясь по сути религиозной группой, Агни Йога сознательно выдает себя за научное и общекультурное движение, являясь таким образом "нелегальной антихристианской сектой", а принимая во внимание общее заглавие книги - это секта "сатанизма для интеллигенции". Таков вывод, предлагаемый нам автором книги.

В главе "Секта или "синтез всех религий?" А. Кураев обсуждает вопрос о том, действительно ли теософия является синтезом всех религий, как она об этом утверждает. Ставится вопрос: а хотят ли сами-то религии объединяться и

синтезироваться? Считают ли представители отдельных религий свои различия несущественными? Вывод автора таков:

"Путь к объединению религий - это или взаимное обеднение их всех через сведение к общему знаменателю (который оказывается равен максимуму безверия). Или - это подгонка всех религий под некий идеал "мировой религии", рожденный в чьей-то голове" (т. 1, с. 47). Когда "теософы говорят, что история религии предлагает множество путей к Единой Истине", то это, с точки зрения А. Кураева, "реклама", на деле же "они убеждены в обратном: истина только у них" (т. 1, с. 65). Это убеждение настолько прочно у Рерихов и их последователей, что им трудно найти единомышленников даже среди других, родственных теософии течений, которые резко критикуют друг друга. Это кажущееся многообразие оккультного мира не случайно. Оно, как считает автор, обеспечивает стратегический простор для неоязычества. При неудаче той или иной школы всегда можно сказать, что это ведь не весь оккультизм, а какая-то его "еретическая часть". Кроме того, согласно А. Кураеву, в этих оккультных сектах существует система посвящений: человеку не сразу открывается вся истина, а постепенно. При знакомстве человеку говорится одно, а позже ему раскрывается совершенно другое. Этот мотив осознанного обмана публики со стороны "оккультистов" красной нитью проходит через всю книгу.

Отсюда видно, что, ведя полемику с Агни Йогой, приводя цитаты из книг Е. Рерих и Е. Блаватской, автор затем переносит критику Агни Йоги на источники, совсем не связанные с последней. Он спрашивает, хотят ли религии объединяться и считают ли они свои различия несущественными? Но почему он не задает подобного же вопроса буддистам, индуистам, антропософам и Агни Йогам, хотят ли они быть объединенными, считают ли они свои различия несущественными? Защищая права религий иметь свое собственное лицо, А. Кураев не хочет сам придерживаться этой своей позиции в отношении критикуемых им духовных течений.

Еще в одном пункте нельзя не увидеть созвучие позиции А. Кураева с позицией критикуемой им стороны. Автор утверждает, что "теософы", говоря о синтезе всех религий, в действительности убеждены, что "истина только у них", и имеют в виду лишь "тотальное распространение своего собственного вероучения" (см. т. 1, с. 55). Читатель с легкостью заметит, что в этих словах дана также и характеристика позиции самого автора.

В изложении А. Кураева теософия, оккультизм, антропософия, пантеизм, язычество, равно как и стремление найти общее истинное зерно в различных религиях, предстают совершенным абсурдом, не имеющим никакого серьезного основания. В конечном счете в "пантеизме" нет ни человека, ни мира, ни Бога - это один из основных тезисов авторской картины мира, проводимой им не только в этой книге, но и в других трудах. У читателя невольно возникает вопрос: неужели все философы, а также религии, которые автор относит к "пантеизму", к которому причисляется все, помимо христианства, иудаизма и ислама, настолько примитивны и глупы, как это с необходимостью следует из изложенного А. Кураевым? К пантеистам относят всю греческую, индийскую, китайскую философию, Спинозу, Гёте и пр. Вспомним также, что ряд русских интеллигентов

были последователями, антропософии Штейнера - Максимилиан Волошин, Маргарита Волошина, Михаил Чехов, Андрей Белый, Юлиан Константинович Щуцкий (выдающийся синолог, переводчик "Книги перемен") и др. Кстати, М. Чехов был духовным сыном последнего оптинского старца Нектария. Неужели все эти люди были сатанистами или настолько наивными, чтобы попасться на удочку столь примитивной в своей основе, как это следует из книги, системы взглядов?

Но книга А. Кураева отнюдь не ограничивается мировоззренческой полемикой. Она представляет собой своеобразный обвинительный акт. Так, например, религия сострадания и любви, каковой для всего мира является буддизм, превращается под пером православного автора в человеконенавистническую секту, в которой практикуются ни больше ни меньше, как человеческие жертвоприношения! (т. 1, с. 275 и след.). Что касается специально тибетского буддизма, о котором говорит А. Кураев, то его нападки получают особый акцент, если вспомнить о разрушении храмов и монастырей Тибета в XX в. Все это должно было бы быть понятным именно нам в России.

Нельзя согласиться и с обвинениями, которые автор адресует конкретным лицам. Так, он пишет:

"Внедрение юниверовских методик в Москве поддерживалось бывшим начальником Юго-Западного образовательного округа г. Москвы Евгением Ямбургом" (т. 1, с. 122), Как принимавший непосредственное участие в экспертизе материалов Юнивера, я хочу засвидетельствовать, что данный факт не имел места. Е. Ямбург к Жану Гаверу и Юниверу никакого отношения не имел. Для непосвященной публики следует заметить, что учебники "живой духовности" "Искусство быть и стать человеком", написанные главой секты "Юнивер" Жаном Гавером, якобы французским ученым, а на самом деле нашим соотечественником Иваном Гавриленковым, производят при внимательном чтении впечатление шизофренического бреда. Все соотносится со всем без всякой логической связи, по ассоциациям, а иной раз и вовсе без таковых. Вот, например, эзотерический смысл сказки "Колобок", приводимый А. Кураевым: "...На самом деле в сказке написано о том, кем и как был создан человек, как он попал в наш мир и каких четырех врагов в жизни он должен побороть.. "Жили были старик со старухой... Старик. Старуха. Что означает слово "рик" (укр. "рік" - год) и "рух" (укр. - движение)? У нас есть десять цифр. 10x10 будет 100 - это совершенное число для 10. Старик - это совершенный год, совершенная старость, совершенная мудрость. А самый совершенный мудрец - Бог. Поэтому старик - начало мыслящее. Старуха - совершенное движение, начало действующее. Или Слово и Дело, теория и практика. Бог един, но начала разные". Как такая чушь могла быть предметом преподавания в школе, остается загадкой, и критика и озабоченность А. Кураева вполне оправданы. Но чем все это закончилось? Книги были отданы на экспертизу, "Жан Гавер" разоблачен, и все это дело кончилось ничем... Но ведь А. Кураев говорит читателю о том, что проникновение подобных явлений в школы санкционируется государством и поддерживалось сотрудниками департамента образования г. Москвы.

А. Кураев не находит в критикуемых им воззрениях ничего оправданного, правдивого, ничего позитивного или достойного уважения. Н.А. Бердяев очень

метко охарактеризовал психологический настрой, лежащий в основе подобных сочинений: "Фанатизм всегда делит мир и человечество на две части. Это есть военное деление. Фанатизм не допускает сосуществования разных идей и мирозерцаний. Существует только враг. Силы враждебные унифицируются и представляются единым врагом... Это страшное упрощение упрощает борьбу". (Бердяев Н. О фанатизме, ортодоксии и истипе (Человск. 1997. © 3).

С другой стороны, надо сказать, что автором проделана огромная работа по собиранию и анализу материала. Книга содержит отдельные главы и пассажи, свидетельствующие о настоящей публицистической и философской одаренности автора. По всей книге разбросаны остроумные замечания, отдельные глубокие наблюдения и обобщения, касающиеся серьезных вопросов духовной жизни. Особенно богата такими глубокими обобщениями позитивная часть книги, посвященная изложению христианства. Собственно, к намерению автора - противостоять потоку мутной псевдодуховности, захлестнувшей сейчас Россию и российский книжный рынок, - можно отнестись с полным пониманием и симпатией. А. Кураев пытается работать научно, то есть обосновывать свои тезисы и выводы.

Но именно на этом фоне в целом еще сильнее и отчетливее выступает предвзятость и узость его анализа. Так, отталкиваясь от критики взглядов Е. Блаватской и Е. Рерих, А. Кураев начинает привлекать сюда же раннехристианский гностицизм, буддизм, Штейнера и антропософию, христианские ереси, внехристианские системы, Лазарева и "Диагностику кармы", секты Аум Синрикэ, Белое Братство Марии Дэви Христос и авантюриста Жана Гавера. Читателю, мало знакомому с предметом, абсолютно невозможно разобраться, где кончается одно и начинается другое. Книга не приглашает читателя к диалогу, к совместному размышлению, но проблематизирует позицию самую автора.

Любопытно задать вопрос, что стало бы с христианством и его историей, если на них взглянуть глазами А. Кураева. А ведь подобные изложения существуют. Так, в 1986 г. немецкий историк и публицист Карлхайнц Дешнер выпустил исследование под названием "Преступная история христианства"⁷. Это четырехтомный труд, в два раза по объему превышающий книгу А. Кураева, в котором автор на основании источников и с немецкой основательностью излагает историю преступлений христианской церкви. Если сопоставить этот труд и труд А. Кураева в соответствующих разделах, то можно найти любопытные "параллели". Так, А. Кураев, защищая ранних отцов и учителей церкви от попыток сблизить их с эзотерическими доктринами, которые предпринимала Е. Рерих, всячески подчеркивает их мученичество за свою веру, в то время как "гностики никогда не соглашались умирать за свои взгляды". Дешнер рисует совершенно обратную картину, описывая преследования еретиков и гностиков со стороны Церкви. По А. Кураеву, Юлиан Отступник писал памфлеты на христианство и вообще чинил всяческие гадости; по Дешнеру, он вполне разумный и справедливый правитель, пал от руки христианина-фаната; по А. Кураеву, христианство - овечка, па которую нападают дышащие злобой еретики, язычники и оккультисты; по Дешнеру, христианская церковь отличалась жестокостью и по отношению к своим врагам не гнушалась никакими средствами. Дешнер приводит многочисленные примеры:

конфликт вокруг Ария, искусственно разжигаемый св. Афанасием, обвинявшим Ария во взглядах, которые тот никогда не разделял, история с Несторием - чисто политическая интрига с подлогами и взятками со стороны св. Кирилла, зверская расправа с Гипатией и уничтожение античной науки и т.д. и т.п.

А. Кураев обвиняет "теософов" в незнании элементарных фактов истории христианства. Однако изложение истории христианства самим А. Кураевым - далеко не безупречно. Так, говоря о гонениях св. Афанасия Великого арианами, он утверждает, что "именно Афанасий и был автором принятой формулировки "Единосушный и Единородный" (т. 1, с. 97), хотя каждому хоть немного знакомому с церковной историей известно, что эту формулу предложил присутствовавший на соборе Константин. На Никейском соборе св. Афанасий не играл какой-либо заметной роли. Другой пример: подчеркивая различие между Буддой и Христом (т. 2, с. 234, и в других местах), А. Кураев пишет: "Пожалуй, первое и самое заметное отличие в их жизненных путях состоит в том, что в облике Христа, насколько он нам известен, мы не можем уловить переломного момента... Не видно, чтобы Он какое-то время своей юности считал вот так, а затем Его посетило бы новое понимание вещей и он резко переломил свой образ жизни..." Переломным моментом в жизни Иисуса, отмечаемым всеми Евангелиями, является крещение во Иордани. По Г. Кюнгю, этот факт отмечается всеми исследователями жизни Иисуса.

Отдельный раздел книги посвящен проблеме "буддизм и христианство", то есть такой теме, которая представляет объективный интерес в связи с широким распространением буддизма в последние годы в странах Европы, США и у нас. О критике буддизма А. Кураевым, как и о многих других глубоких вопросах духовной жизни, которые он затрагивает в книге, следовало бы поговорить отдельно и обстоятельно, что, конечно, в рамках рецензии невозможно. Однако нельзя и полностью обойти такой важный вопрос, какой является тема отношения буддизма и христианства. Как и в других разделах книги, автор пытается создать впечатление объективного анализа предмета. Разбор А. Кураевым буддизма преследует также цель показать, что ссылки теософов на восточные учения о перевоплощении не имеют под собой никаких оснований: переселения душ в буддизме нет, так как, согласно буддизму, души нет (см. т. 1. с. 397 и далее). (А. Кураев путает идею перевоплощения с античной идеей переселения душ.) "Буддизм убежден в том, что никакой личности не существует, есть лишь иллюзия "души". Новую жизнь обретает не моя личность, а те элементы, из которых складывается моя жизнь... Буддийская философия полагает, что... действия, произведенные моим сознанием, породят некие последствия и эти последствия будут порождать новые. Мое Я как раз умрет и умрет безвозвратно. Последствия же моей жизни будут сказываться вечно" (т. I, с.397-398).

Дальше не лучше. "В мире страданий человек удерживается действием кармы. Но карма сама живет человеческими действиями. Любое человеческое действие (не важно, доброе оно или плохое) поддерживает существование кармы. Все, что сделано, имеет свои следствия, продолжается в мире. Из мира надо уйти. Значит - надо воздержаться от действий. К действию человека склоняют желания. Желания рождаются от неправильных мыслей... Чтобы правильно мыслить, надо научиться

правильно владеть словами. И прежде всего надо понять, что слова пусты..." (т. 1, с. 398-399) - реферирует А. Кураев учение Будды, искажая при этом элементарные положения учения. Как известно, к благородному восьмеричному пути относятся правильное (совершенное) действие (поступок), правильное (совершенное) слово и т.д. Так что речь вовсе не идет об отказе от действия, но поступок или слово становится в буддизме духовным путем. Сам Будда в продолжении многих лет действовал, совершал поступки, произносил речи, однако они не вели к каким-либо негативным последствиям. То, что желания происходят от "мыслей", то есть помыслов - одна из основных идей христианской аскетики. В общем, как и в других разделах книги, в связи с буддизмом А. Кураев путает совершенно разнородные вещи. Не проводится четкого различия между буддизмом теравады, махаяной и ваджраяной. позиции которых по отношению к миру и человеку весьма различны. Подлинный смысл отдел[ен]ных высказываний, встречающихся в текстах этих трех основных направлений буддизма, можно понять только исходя из контекста каждого из них. Не понимая сути буддизма в целом, А. Кураев выхватывает отдельные элементы из различных систем, различных книг. Так, идею бодисаттвы -существа, жертвующего собой для блага других существ - создало, по его мнению, лишь народное мышление, к сути буддизма она якобы никакого отношения не имеет, в то время как в действительности идея бодисаттвы - центральная идея махаянского буддизма. Путая нирвану с пустотой, А. Кураев делает вывод, совершенно абсурдный для любого буддиста - о том, что Будда, достигнув просветления, не вошел в нирвану: "Если бы Будда действительно вошел в Нирвану - он не смог бы вернуться к людям с проповедью. Но, постигнув тщету всего сущего и тем приблизившись к постижению тайны Нирваны, Будда смог это свое знание о всеобщей пустоте возвестить остальным" (сноска на с. 408, т. 1).

В разделе о буддизме автор обращается к трудам выдающихся буддологов и востоковедов Ф.И. Щербатского, О.О. Розенберга, Э. Конзе, М. Элиаде, ссылается и цитирует Г. Кюнга, известного современного католического богослова, написавшего книгу о буддизме и христианстве. Но все эти ученые честно направляли свои усилия на понимание буддизма, на разъяснение его основных позиций, выявление отличий его концепций от учений индуизма и христианства. Так, например, работа Г. Кюнга о буддизме написана в соавторстве с Х. Бехертом - известным немецким буддологом, который представляет сторону буддизма. Работа Кюнга - попытка честного диалога. Хотя Г. Кюнг и отстаивает позицию христианства, но делает он это достойно, не принижая своего оппонента и, в отличие от А. Кураева, дает буддизму весьма высокую оценку, цитируя между прочим при этом другого выдающегося католического богослова Романо Гвардини, а также постановление Второго Ватиканского собора, то есть официальную позицию католической церкви.

Книгу А. Кураева невозможно рассматривать вне более широкого контекста его деятельности: он показал себя как яркий публицист, написавший огромное количество статей на разнообразнейшие темы в различных газетах и журналах, целый ряд книг, пользующихся значительной популярностью, он читает лекции, собирая большие аудитории в самых разных уголках страны, короче, он не просто писатель, но и общественный деятель. Он выступает от имени православия и является его очень талантливым проповедником и защитником. Рассматривая всю

эту деятельность, читая его книги, слушая лекции, (автор рецензии присутствовал на нескольких лекциях), возникает вопрос: неужели это все, что может сказать православие современной России? Неужели у современной России, в конце XX столетия, в состоянии глубокого кризиса, нет более актуальных проблем, чем разбираться с пантеизмом, вылавливать оккультистов и колдунов, доказывать несостоятельность Блаватской, Рерихов, Штейнера, буддизма и преимущество православия перед всеми другими религиями? Сегодня наш враг - Блаватская, а завтра - вся светская культура, вся внецерковная жизнь! Именно такую точку зрения на культуру А. Кураев проводит в другой своей книге "Школьное богословие". В ней он сравнивает культуру с жемчужиной в том смысле, что жемчужина - это болезненный нарост на здоровом организме моллюска, происходящий от попавшей в раковину частички песка. Это - логический вывод из той первоначальной установки, которую принял автор. Неужели это действительно последнее слово православия о культуре?

Книга А. Кураева очень симптоматична для сегодняшней российской ситуации, для того психологического климата, в котором живет общество. Психологический, духовный, социальный, экономический кризис предрасполагают к апокалиптическому, катастрофическому восприятию мира и жизни. Нужно что-то делать, с кем-то бороться, чему-то противостоять. И вовсе не нужно быть сторонником идей Блаватской и Рерихов, чтобы отклонить позицию книги в целом. Сатанизм - а именно это слово вынесено на обложку книги - это осознанное служение злу. Группы сатанистов действительно существуют. Однако, при всех своих ошибках, возможных у любого человека, ни Рерихи, ни Блаватская, ни манихеи и гностики, ни буддисты, ни пантеисты никогда не становились на сторону зла. Были гностические направления, которые видели в Люцифере - добро, а в библейском Боге - злое начало. Но они всегда вставали ни сторону добра. такого добра, как они его понимали. Возможно, что они заблуждались. Но заблуждение и осознанное служение злу - это большая разница, о чем не следует никогда забывать.

ПРИМЕЧАНИЯ

Hick J. God and the Universe of Faiths. L., 1973.

Hick. Problems of Religious Pluralism. L., 1985.

Более подробно этот вопрос разбирается в книге: Кураев А. Раннее христианство и переселение душ. М.: Гнозис, 1997.

См. Анатолий (Берестов), иеромонах. Число зверя. Записки врача-священника. М., 1996.

Алексеев В., Григорьев А. Религия Антихриста. Новосибирск, 1994. С.234.

См. Кох К. Душепопечение и оккультизм. Минск, 1992. С.126-155.

Основы религиоведения. М., "Высшая школа", 1994.

Энциклопедия для детей. Т. 6. Ч. 2. Религии мира. М., 1996.

Кожевников В.А. Буддизм в сравнении с христианством. Пг., 1916.